
ВЕРШИННЫЕ СОСТОЯНИЯ ДУХА

Д.В. Бойко

УЖАС БЫТЬ ИЛИ МУЖЕСТВО БОЯТЬСЯ

Аннотация. Страх как экзистенциальное переживание занимает особое место в жизни человека. Предметом исследования является разработка концепций страха, как в трудах психоаналитиков, так и в трудах философов-экзистенциалистов. В статье рассмотрены основные взгляды на проблему, выделены особенности разработки и роль, которую играет понятие страха, в работах различных авторов. Страх проявляет себя в нескольких ситуациях, носит универсальный, онтологический характер. В работе осуществлена попытка показать разные стороны переживания страха в процессе становления личности человека. При помощи метода герменевтического анализа текстов, в статье исследуются причины и истоки происхождения страха, способы его преодоления. Категория мужества, как способность утверждать человеческое бытие, играет особую роль в процессе преодоления страха. Только при помощи мужества, человек способен принять на себя ужас бытия. В работе проводится мысль о благоприятном воздействии тревоги на становление человеческой личности и человека вообще.

Ключевые слова: страх, трепет, ужас, тревога, мужество быть, смерть, личность, экзистенциализм, психоанализ, свобода.

Там, где рождается страх

Как известно, человек существо уникальное во всех отношениях: начиная от незавершённости человеческой природы, заканчивая невероятными и чудесными дарами в виде сознания, разума и языка. Каждый, кто пристально присматривается к этому «самому эксцентричному созданию на земле», непрестанно продолжает удивляться и восклицать. Могут ответить, что нет ничего удивительного в повседневности, постоянно повторяющейся жизни рядового человека. И здесь нужно сделать небольшое уточнение: человек интересен в его предельно человеческом, в том виде, когда обнажены и обострены до предела все его эмоции, чаяния, желания. Охваченный невероятным чувством, будь то любовь, страдание, одиночество или корыстолюбие, переживающий утрату или обретение смысла жизни, или же стоящий перед лицом смерти, человек завораживает нас и вызывает неподдельный интерес в том состоянии, которое он переживает.

Одним из таких состояний является страх. Многоликий, цепенящий, чарующий. Ежедневно чувство страха испытывают многие и многие люди. В разных языках с древнейших времён существует множество обозначений, градаций, этого поистине

самого древнего, животного и глубинного чувства: страх, боязнь, трепет, тревога, жуть, опасение, испуг, паника, ужас... Общеизвестно деление страха на причинный и беспричинный. Если я боюсь по какой-то вот этой конкретной причине, существующей в мире реальном или только в мире символов и абстракций, но это конкретная причина всегда для меня определена, то в таком случае можно говорить о причинном страхе, или боязни. Каждому знакомо это чувство, когда страх заполняет всё вокруг, и мы кричим, бежим, впадаем в истерику, рыдаем — всё это от страха.

Эта разновидность страха нам интересна в том аспекте, что она скорее может выступить противоресом страху беспричинному и безосновному. Важно отметить возможность перехода страха, первоначально предъявленного как беспричинный, (обозначаемый словом *тревожность*) в страх причинный. Разработку этой проблемы¹ можно найти как у самого З. Фрейда, так и в неофрейдизме, у таких авторов, как К. Хорни и Э. Фромм. К. Хорни обозначает страх как фактор формирования невротиче-

¹ Хорни К. Невротическая личность нашего времени. 3-е изд. / Пер. с англ. А.М. Боковикова. М.: Академический Проект, 2009.

ческих типов личности, но можно говорить и о том, что ему присущи и конструктивные характеристики. Но есть другой, беспричинный страх, который не может обрести причину, в силу того, что её нет, в том смысле, что это страх перед тем, что невозможно назвать или обозначить. Такой страх обозначается как ужас или трепет. Попробуем найти истоки, этого не просто чувства, но экзистенциального состояния, в которое погружался хоть единожды, каждый живший когда-то на земле человек.

Одним из первых философов, который заговорил о страхе как экзистенциальном переживании, был Сёрен Кьёркегор. Датский мыслитель «различал два вида страха: безотчётный страх — тоску, ужас, жуть (дат. Angst) и страх боязнь (дат. Furcht), который вызывается конкретным предметом»². Важнейшее положение философии С. Кьёркегора — свобода выбора — является одной из причин безотчётного страха. Существование возможности выбора самого по себе имеет несколько внушительных последствий для человека. В первую очередь наличие свободы выбора делает возможным существование ответственности. Само принятие на себя ответственности человеком может быть и не сопряжено со свободой выбора, потому что зачастую такой выбор не предоставляется: просто задано что-то, за что ты теперь ответственен. Но именно здесь и появляется возможность осуществления свободы выбора, именно в такой ситуации человек свободен решить, будет ли он нести ответственность или нет.

Главное, за что каждый несёт ответственность, но при этом личного выбора этой ответственности не делает — это собственная жизнь каждого человека. Об этом пишет А.С. Пушкин:

*«Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?».*

Сегодня не будет неожиданной такая мысль: «А зачем меня вообще создал этот ваш Бог? Может я вовсе и не хотел рождаться, меня об этом никто не спрашивал». Такая постановка вопроса в сути своей есть полное снятие с себя ответственности за свою жизнь, что в действительности приводит к самому желанному для такого человека — отсут-

ствию тревоги из-за осознания ответственности. Если же я принимаю этот напрасный и случайный дар, в полной мере и без исключений, я становлюсь за него ответственным. В осуществлении ответственности за то, что дано мне вне моего разумения и желания, порождается свобода выбора того или иного действия, решения или даже мысли. Однако важнее то, что ещё большая ответственность возникает за бездействие, перекалывание принятого решения на другого или нежелание мыслить и доводить мысль до конца там, где это было единственно важно и необходимо.

Помимо ответственности за собственную жизнь, которая чаще всего становится безответственностью и прозябанием в духовной нищете, свобода выбора преподносит человеку ещё один предмет, за который некоторым не посчастливилось (может быть и наоборот) нести ответственность. Речь идёт о смерти. Спорная мысль, но можно говорить о том, что акт осознанного выбора смерти является предельным проявлением свободы выбора человека. Такова философия другого экзистенциалиста — Альбера Камю³. Решить для себя, прекратить течение жизни и быть свободным в этом выборе или же сознательно отречься от свободы и остаток жизни провести в существовании — вот уж действительно требующий для решения нечеловеческой воли вопрос.

Можно сказать, что предельная свобода человека осуществляется в самоубийстве. Т.е. отречение от жизни это последний акт свободы. Но с другой стороны, самоубийство тоже не является свободным актом. Мы живём в таком обществе, где даже наш собственный выбор на поверку оказывается навязанным. Массовая пропаганда может внушить всё что угодно. У человека всегда есть выбор, и нет выбора предельного. Во всех случаях, человек находится в ситуации выбора, даже тогда, когда он не выбирает. Отказ от выбора тоже выбор. Есть возможность, но человек её не рассматривает и не реализует. Даже пассивное состояние есть выбор. В ответственности, как за собственную жизнь, так и за собственную смерть в полной мере проявляет себя экзистенциальный страх.

Но даже если мы отодвинем в сторону эти предельные проявления человеческой свободы, и обратимся хотя бы к акту творчества, то уже здесь мы можем наблюдать, как страх начинает проявлять

² Гуревич П.С. Философская антропология: учеб. пособие. 3-е изд., стер. М.: Омега-Л, 2012.

³ Камю А. Миф о Сизифе: сборник / пер. с фр. С. Великовского. М.: АСТ: Астрель, 2011.

себя. Что, как не творчество, даёт человеку действительное, настоящее ощущение свободы? Но такая свобода, наличие безграничных возможностей для выбора, создаёт чувство страха, как перед актом творчества, так и перед самой свободой выбора в этом акте. Человек-творец ни в чём не ограничен, он не имеет ни рамок, ни правил. Такое положение окончательного подъёма над всевозможными решениями может только выхватить дыхание из лёгких, и чтобы вновь возникла возможность сделать живительный вдох, творческий человек должен сделать свой выбор в этом акте. Страх это расплата за свободу. Человек выломился из животного мира, он не живёт по инстинкту. Он обрёл свободу, но за это расплатился чувством страха, потому что свобода сопряжена с ответственностью. Одно дело, когда инстинкт мне говорит: иди прямо, а другое дело, когда инстинкт ничего не говорит, а где взять ответ? Свобода в своей сути драматична.

Но вернёмся к тому, из чего же впервые в истории философской мысли, была рождена идея разграничения страха и трепета. В самом широком обозначении, экзистенциальное чувство страха рождается из разлома между этическим — убить сына, и религиозным — следовать завету Бога⁴. Как известно, у С. Кьёркегора существует собственная, особая классификация людей. По сути дела, эта классификация обозначает восхождение человека к духовности. Ступенями для этого движения является переход от человека эстетического, к человеку этическому и далее к человеку религиозному. Исходя из того, что С. Кьёркегор — религиозный мыслитель, полнота личности, по его мнению, обретается человеком только в его в вере. Но в этом движении от человека этического к человеку религиозному есть определённый зазор: расставание с тяготами повседневности, с удовольствиями, с тем, что несёт наше потребительское общество. Именно поэтому возникает особый страх. А главным образом речь идёт о том, что когда человек обретает духовность, то он вместе с тем обретает и новые тревоги.

Развитие и обретение духовности можно рассмотреть в психоаналитической практике. Зачастую можно услышать от пациента: «Я проделал определённую работу, освободился от ряда комплексов, а всё равно чувствую себя несчастным». В этом случае требуется объяснение, что освобождение от комплексов, восхождение на новую ступень

личностного роста не приносит счастья, как блаженства. Дело в том, что человек становится сложнее и сложнее воспринимает жизнь. Можем ли мы сказать, что, к примеру, Татьяна Ларина, мадам Бовари или образы женщин, изображённых О. Бальзаком, это образы счастливых женщин? Они нам тем и интересны, что поднявшись, на какую-то нравственную, духовную высоту, становятся несчастными, но уже по другому поводу. Мы читаем роман и понимаем, что после всех испытаний, пройденных главной героиней, она стала чрезвычайно чарующей женщиной, иначе роман не пользовался бы успехом. Нельзя представлять себе личностный рост как восхождение к обычному счастью. Возникают новые горизонты, возникают новые вопросы, о чём говорит С. Кьёркегор.

Переходя от этического измерения к религиозному, человек испытывает тревогу, что естественно. Чем больше личностной полноты, тем больше и тревоги и вопрошания. Если человек обретает религиозность, то возникают другие вопросы, которые никогда не возникали перед ним. Но как чувствовал себя средневековый человек, который шёл на любовное свидание вне брака? Он оказывался в состоянии ужаса, задаваясь вопросом, чем же ему это отзовётся в загробной жизни, ведь за всё придётся платить. Сегодняшний человек живёт с мыслью: «А за что платить-то? Живём для удовольствия». Религиозный же человек знает, что предстоит, ещё и держать ответ за свои поступки. Мысль Н. Бердяева: существует одна история — обычная, земная, но есть и другая сакральная⁵. Народы живут, а потом ещё придётся отвечать за содеянное. Человек религиозный, духовный наполнен страхом, но уже не тем, что не хватит еды или случится утрата какого-то материального достояния, а страхом перед трансцендентным. И с этим надо жить.

Беря за основу своей работы историю Авраама, который везёт своего сына 3 дня на гору Мориа, для того чтобы принести его в жертву Богу, С. Кьёркегор отмечает, что «о страхе забывают, даже если хотят рассказать об Аврааме»⁶. Есть выбор: с одной стороны, Бог повелел, я обязан это сделать, я же религиозный человек. С другой стороны, где Он — Бог? Он там, в небесах, Он во сне явился мне и изложил своё повеление. Здесь возникает вопрос, в чём смысл молитвы? А ведь она может остаться без от-

⁴ Кьёркегор С. Страх и трепет. 2-е изд. / Пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. М.: Академический Проект, 2014.

⁵ Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990.

⁶ Кьёркегор С. Страх и трепет. 2-е изд. / Пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. М.: Академический Проект, 2014.

вета. С этими мыслями едет родоначальник еврейского рода Авраам. С одной стороны, он получил указание. А с другой стороны, он молится господу Богу, но Бог ему не отвечает. При этом сын-то у него один, первенец. И обрёл Авраам его в молитве, а теперь должен возложить сына на жертвенник, а как заглянуть ему в глаза?.. Есть божье повеление, я молюсь, а он не отвечает. Бог и не обязан отвечать на каждую молитву. Страх рождается в душе Авраама, потому что нет правильного ответа, как же поступить, любой вариант ужасен: послушаться Бога верующему человеку невозможно; положить на треножник сына, вместо агнца — это чудовищно. И здесь рождается трепет.

Страх как сильное эмоциональное потрясение, как трепет перед непознанным и непознаваемым несёт в себе силу, которая воздействует на человека, формирует его. Возможность перехода из одного состояния души в другое, согласуется с опытом постижения трансцендентного начала в бытии человека вообще. Подъём, качественный скачок и преобразование внутреннего мира человека — всё это невозможно без присутствия трепета перед теми сферами жизни, которые делают из праздного обывателя настоящего человека, с тонкими чувствованиями и душевной организацией.

Обратимся к трудам виднейшего психоаналитика английской школы Мелани Кляйн. Исследовательница отводила особое место тревоге в своей концепции: «Для меня очевидно, что уже с самого рождения тревоги возникают вместе с защитами против них. Первая и наиболее важная функция Эго — это справляться с тревогами. Я даже думаю, что, вероятно, первоначальная тревога, вызванная угрозой внутреннего инстинкта смерти, может быть причиной того, почему Эго начинает действовать с самого рождения. Эго постоянно защищает себя от боли и напряжения, которые вызывает тревога, и поэтому начинает использовать защиты с самого начала постнатальной жизни»⁷.

Можно говорить о той положительной роли, которую играет чувство тревоги, с точки зрения формирования Эго и приспособления ребёнка к реальности. Выстраивание цепи защит, связанных с тревожностью, по сути, формируют человека. Становление человеческого существа, начиная с младенчества, переходя в зрелость и заканчивая старостью, сопровождается этим чувством, благодаря

которому человек способен бороться и осуществлять свой жизненный проект. Борьба с тревогой позволяет выстраивать свою жизнь так, как этого требует личностная сущность человека.

Трепет перед небытием как ключ к познанию бытия

Выше уже было обозначено существование страха причинного и беспричинного. Но бывает так, что причины страха нет, но её и не должно быть. У всех людей, живущих на земле, есть страх перед небытием, перед этой бездной. Как впустить в своё сознание человеку: я жил, любил, писал и вдруг оказывается, что может так быть, что никакой загробной жизни нет, и все люди, эти совершенства, проваливаются в какую-то бездну. И ей нет ни имени, ни названия, ни метафорического образа, это небытие, это страшно... Реальный мир превращается в небытие, это понимает каждый человек, он же наделён сознанием. Это страх беспричинный, потому что реальную причину назвать невозможно, ибо её нет. Это страх не быть.

В отличие от С. Кьёркегора, у М. Хайдеггера экзистенциальный страх, обозначаемый как ужас, возникает перед небытием. Это разные проблемы. Есть бытие, и есть страх перед небытием. Это может быть страх смерти, или страх того первозданного хаоса, который философы всегда пытались как-то назвать. Н. Бердяев же, знакомый с творчеством М. Хайдеггера, проводит схожую мысль: страх рождается между ощущением этой пучины и божественным, т.е. человек находится в средоточии между божественным и полным физическим уничтожением, погружением в Хаос, в ничто. Этой темы нет у С. Кьёркегора. Хотя М. Хайдеггер внимательно анализирует С. Кьёркегора, но у последнего это восхождение, страх от продвижения к Богу. И соответствующее раздвижение жизненного горизонта. Страх перед небытием больше проанализирован Хайдеггером, потому что, как известно, главная тема экзистенциализма это человеческое бытие. Главный философский вопрос: жизнь человека, его бытие в этом мире. А что является антиподом — небытие, это самое ничто. Но являются ли эти страхи разными? Мы скажем — нет. Потому что и тот и другой философы рассматривают экзистенциальный страх, т.е. внутренний страх, а не страх причинный. Экзистенциальный страх касается самого человеческого бытия, его движения к горизонту, к бытию. Туда ли я иду вообще?..

⁷ Кляйн М. Зависть и благодарность (psynavigator.ru/files/books/klein_zavist_i_blagodarnost.pdf).

М. Хайдеггер рассматривает ужас как атрибут, необходимый для того, чтобы приблизиться к возможности хоть как-то определить, обозначить ничто. «Бывает ли в нашем бытии такая настроенность, которая способна приблизить его к самому Ничто?»

Это может происходить и действительно происходит — хотя достаточно редко, только на мгновения, — в фундаментальном настроении ужаса <...> В ужасе, говорим мы, «человеку делается жутко». Что «делает себя» жутким и какому «человеку»? Мы не можем сказать, перед чем человеку жутко. Вообще делается жутко. Все вещи и мы сами тонем в каком-то безразличии. Тонем, однако, не в смысле простого исчезания, а вещи повертываются к нам этим своим оседанием как таковым. Проседание сущего в целом насаждает на нас при ужасе, подавляет нас. Не остается ничего для опоры. Остается и захлестывает нас — среди ускользания сущего — только это «ничего».

Ужасом приоткрывается Ничто⁸.

Использование феноменов страха и ужаса в работе Мартина Хайдеггера «Бытие и время», первоначально было воспринято как нечто субъективное и незаконное с точки зрения традиционных подходов к онтологии. Дело в том, что неиспользование этих феноменов невозможно, т.к. бытие М. Хайдеггера это человеческое бытие, и всё исследование проводится вокруг категории «Dasein». А человеческое бытие всегда неразрывно связано с сознанием, пониманием, познанием, с миром чувств, забот, а также переживаний и страхов. Помимо этого, можно говорить о том, что существующее некое бытие как таковое, само по себе бытие, которое всегда предстаёт перед человеком через призму человеческого бытия. Важными в онтологии М. Хайдеггера становятся «настроенность» и «расположенность», последняя из которых становится одним из исходных экзистенциалов.

В чём именно состоит отличие ужаса? «*От чего*» нас отшатывает именно такой страх, который помечен словом Angst? От чего-то совершенно неопределённого. Того, чего страшатся, как бы нет «нигде». Ибо Angst, в самом деле, такое состояние, когда «Dasein» «не знает, чего приходится или надо страшиться, стрех перед чем тут передаётся и воплощается»⁹. Каждому человеку известно со-

стояние страха, когда его охватывает состояние тревоги. И мы не знаем, чего же мы страшимся, от чего страшно. Но всё-таки, за что или чего всё-таки страшится человек в своём бытии?

Первоначально, ещё смутно, человек в своём бытии начинает понимать, что ему самому поручено осуществлять своё бытие. В эти моменты, через многоаспектный экзистенциал ужаса, такое положение дел начинает раскрываться. Ужасается человек тому, что он живёт. При этом Angst может проявить себя в ситуациях неожиданных и безобидных, не нужно совершенно ничего для того, чтобы возникло состояние, обозначаемое «не по себе».

Оба экзистенциала — страх и ужас — не встречаются отдельно, в чистом виде. Они хитро сплетены между собой и в той или иной степени проявляют себя в различных ситуациях, но всегда неотделимы и сцеплены с общей целостной структурой бытия. При этом направлены, если можно так выразиться, они по-разному. Страх это скорее испуг от «растерявшегося настоящего», или получившего реальность здесь, в то время как ужас возникает скорее из-за неопределённости будущего, которое зависит от меня.

Ужас по своей сути, в силу того, что не имеет причины, или косвенной причиной его можно назвать небытие, не определён для переживающего его бытия человека. То, что страшит, нельзя отыскать нигде, хотя в тот же момент оно находится прямо здесь. Это бытийный страх, который истекает из всех неопределённостей бытия человека, будущего, которое страшит, и, не в последнюю очередь, будущая смерть и сопутствующая ей неизвестность. Тем не менее, ужас, по М. Хайдеггеру, не угнетает, не задавливает собой. Ужас оглушает своей тишиной и оцепенелым покоем бытийности. С другой стороны, страх обозначенный как Furcht, это нечто больше похожее на панику, истерику, путаницу «растерявшегося настоящего, которое страшно страшится страха, чтобы так лишь вернее ему подпасть»¹⁰.

Обратимся к другому великому мыслителю и философу прошлого века, одному из виднейших представителей экзистенциализма Жан-Полю Сартру. Соглашаясь с С. Кьёркегором, автор указывает, что «тревога отличается от страха тем, что страх есть страх существ перед миром, тогда как тревога есть тревога перед самим собой. Головокружение

⁸ Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.

⁹ Мотрошилова Н.В. Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт: бытие-время-любовь. М.: Академический Проект; Гаудемаус, 2013.

¹⁰ Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Академический Проект, 2013.

является тревогой в той степени, в которой я опасаясь не сорваться в пропасть, а броситься туда. Это ситуация, которая вызывает страх, поскольку она подвергает опасности изменить мою жизнь извне, а моё бытие вызывает тревогу в той мере, в которой я не доверяю моим собственным реакциям на эту ситуацию»¹¹.

Такое расположение страха и трепета относительно своих объектов и относительно друг друга повсеместно и подтверждает вышеизложенную мысль: один страх не существует без взаимосвязи с другим и оба они намертво впечатаны в бытие, но не всегда высвечиваются по какой-то причине. У студента медика возникает страх перед окровавленной плотью, которая предстаёт перед ним всем своим существом. Но тревога возникнет у него только тогда, когда он начнёт пытаться предугадать или предпринять что-то, что поможет ему хоть как-то справиться с тем, что ему предстоит сделать. Это «овнутрение» своих будущих действий, своих ещё не состоявшихся реакций и рождает тревогу. Ситуации, вызывающие чувство страха многогранны, они будут интерпретироваться в соответствии с чувством страха или чувства тревоги исходя из того, действует ли ситуация на человека или же наоборот, человек действует на ситуацию. Иными словами, страх возникает перед чем-то внешним, в то время как тревога возникает перед внутренним, которое реагирует на это внешнее.

Вернёмся к примеру с головокружением. Я нахожусь на узкой тропинке, на краю пропасти. Эта пропасть предстаёт передо мной как смертельная опасность и вместе с тем как то, что я должен избежать. Но также я понимаю, что существует определённая вероятность того, что произойдут события, существующие вне меня, некие внешние по отношению ко мне причины, которые могут эту пока ещё угрозу осуществить в действительность. Случиться может что угодно: сильный поток ветра подхватит меня, я поскользнусь на камне или ветке, зыбкая земля обвалится под моей ногой, и я сорвусь в пропасть. В этой ситуации я уже буду дан себе самому как вещь, относительно этих возможностей я существую наряду со всем тем, что меня окружает.

Как человек может поступить в данном случае? В первую очередь, реакция на пропасть будет рефлексивной: отойти подальше от края, смотреть под ноги. Человек начнёт реализовываться, от-

талкивая изо всех сил надвигающуюся угрозу, и вместе с тем проецируя перед собой те действия, которые спасут его от опасности. Все эти действия являются возможностями, принадлежащими человеку, страх избегается тем способом, что внешние, трансцендентные вероятности заменяются этими возможностями. Нельзя сказать, что действия будут эффективными. Поэтому необходимым условием их возможности становятся парадоксальные действия, первый тип которых, противоречивые действия — не обращать внимания на ветки, думать о чём-то отстранённом. Второй тип — действие противоположное — броситься в пропасть самому. «Возможность, которую я делаю моей конкретной возможностью, способна появиться как моя возможность, только возвышаясь на фоне совокупности логических возможностей, которые содержит ситуация»¹².

Для того чтобы спасти свою жизнь, и противостоять пропасти, я должен иметь в виду все существующие возможности, и в первую очередь те возможности, которые я могу совершить, но они крайне нежелательны. Наряду с тем, что я буду стараться осуществить возможности, которые отодвинут меня от гибели, я постоянно должен не допускать, а точнее ничтожить, те возможности, которые нежелательны. Таким образом, я включён в эти возможности, и только я являюсь источником их небытия, потому что никакая внешняя причина не может на них повлиять. Это не произвело бы тревоги, если бы я мог знать точно, какие именно возможности я осуществляю, в этом случае то или иное будущее было бы предопределено, но именно тогда оно перестало бы быть возможностью, оно стало бы «тем, что происходит».

Находясь на тропинке, возникает отношение между настоящим и моим будущим бытием, которое есть лишь возможность, и ничто не обязывает меня осуществлять какую-то конкретную возможность. Я осознаю этот разрыв, его существование, которое пока невозможно, но оно есть. Я не являюсь тем, чем я буду. Это и есть то самое небытие, перед которым возникает ужас. Посредством своего ужаса я иду к своему будущему. Осознание быть своим собственным будущим по способу небытия мы назовём тревогой, т.е. в данной конкретной ситуации только от меня зависит, бороться за жизнь и внимательно смотреть на тропинку или же броситься в пропасть. Свобода выбора небытия рождает тревогу.

¹¹ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр. В.И. Колядко. М.: АСТ: Астрель, 2012.

¹² Там же.

Вышеприведённый пример можно обозначить как тревогу перед будущим. Но следуя за Ж.-П. Сартром, мы открываем ещё один аспект — тревога перед прошлым. Приняв решение раз и навсегда покончить с азартными играми, человека настигает тревога в тот момент, когда он приближается к игральному столу и чувствует, как все его решения внезапно рушатся. Здесь не идёт речи о том, что разум борется со страстями, что внутри игрока идёт спор, дело в другом. То, моё вчерашнее решение, теперь оказывается застывшим, недейственным. Я превосхожу его сегодня тем фактом, что имею сознание о нём. Я даже отождествляю себя с ним, поскольку оно всё-таки моё. Но, с другой стороны, в силу того, что оно предстаёт перед моим сознанием, оно уже больше не моё. Здесь снова возникает отношение, но теперь уже между «сейчас» и «тогда», этот временной отрезок существует, между вчера и сегодня прошло время, но именно это и есть небытие.

Почему реальный отрезок времени вдруг становится «ничем»? Дело в том, что за это время, то решение, которое было принято, перестало существовать, оно осталось там, «тогда». Сейчас же это решение является лишь воспоминанием решения, оно теперь является лишь ещё одной возможностью, наряду со вступлением в игру. И чтобы решение вновь обрело реальную силу, нужно снова найти и воссоздать тот барьер, который я воздвиг вчера. Это был страх потерять в игре всё, разорить семью, и только от меня зависит, воссоздам ли я этот барьер сейчас и придам ему свою плоть. Я один на один со своим решением, и здесь с тревогой я узнаю, что ничего не мешает мне играть. «Тревога — это и есть я, потому что благодаря этому факту, что я веду себя в существовании как сознание бытия, я делаюсь *небытием* этих прошлых благих решений, *которыми я являюсь*»¹³.

Попытаемся провести параллель между оттенками страха в психоанализе и страхом как экзистенциалом, сущностью бытия человека. Те защитные механизмы, которые вырабатывает Эго в выстраивании противодействия тревогам на ранних этапах развития ребёнка, продолжают работать уже в дальнейшей жизни человека. Непокоримость психики создаёт возможность, с одной стороны, чувствовать и проживать экзистенциальный страх, с другой стороны, противостоять этому страху и использовать его в процессе собственного становления и развития.

Тревога даёт возможность встретиться лицом к лицу с небытием и выстоять в этой встрече. Человек проявляет своё истинно человеческое, приближаясь к грани между жизнью и смертью, между тем, что он может делать и тем, от чего он свободен, от чего у него есть возможность отказаться, в силу того трепета, который он испытывает. Безусловно, переживание экзистенциального состояния даёт возможность человеку личностного роста. Скажем больше: без переживания чувства небытия и пустоты, такой рост, скорее всего, невозможен, потому что движение личности к собственному улучшению должно иметь для этого некоторое поле, которое лежит за гранью обыденного существования, и первоначально является небытием, но впоследствии становится единственно возможным способом быть.

Страх и мужество

Для дальнейшего рассмотрения проблемы трепета и ужаса, высвечивающих человеческое бытие в его предельном проявлении, требуется обратиться к противовесу, или обратному экзистенциалу — мужеству. «Онтология мужества должна содержать онтологию тревоги, ибо они взаимосвязаны»¹⁴. Интересно взаимодействие страха и мужества, т.к. при рассмотрении одного, полнее проявляется сущность другого. Пауль Тиллих в работе «Мужество быть» даёт определение экзистенциального страха: «тревога — это состояние, в котором бытие осознаёт возможность своего небытия. То же самое утверждение в более краткой форме звучало бы так: тревога — это экзистенциальное осознание небытия»¹⁵.

Как и другие исследователи, П. Тиллих ещё раз отмечает, что существует коренное различие между страхом и тревогой. Но в связи с обозначенным исходным желанием исследовать онтологию мужества, трактовка этих двух состояний обретает новую форму. Любой причинный страх, или страх объективный, мужество может встретить и принять в себя, собственно по той причине, что объект страха есть, он существует в бытии. Но с тревогой дело обстоит иначе, потому что когда человек имеет дело с тревогой, видимой причины нет, ибо причина эта — *ничто*, и тогда объектом страха становится

¹⁴ Тиллих П. Мужество быть / Пер. с англ. М.: МОДЕРН, 2011.

¹⁵ Там же.

¹³ Там же.

сама тревога. При этом страх и тревога неразделимы, но различимы. «Жало страха — тревога, а тревога стремится стать страхом»¹⁶. Яркий пример такого взаимодействия — страх перед смертью.

Страх перед смертью распадается на собственно страх и трепет, как страх экзистенциальный. В течение своей жизни человек лишь изредка задумывается о смерти, но вообще смерть страшна. Главным образом, смерть страшит нас, когда она настигает других: родных, близких, друзей. В первую очередь смерть страшит самим фактом смерти, умирать страшно. Но это лишь одна грань. С другой стороны, страшит уже не сам факт смерти. В самом деле, достаточно счастливых, которые умирают спокойно, своей смертью, однажды ложатся спать и уже не просыпаются. Но даже если нет страха перед самим фактом смерти, всегда есть ужасающее чувство перед неизвестностью, которая таится за смертью. Никто не может точно сказать, бессмертна душа или же по окончании жизни происходит падение или проваливание в ничто. Человек, перед лицом неизведанного, совершенно недостижимого и несуществующего чего-то, что ожидает его после смерти, испытывает экзистенциальный страх.

Но здесь вновь следует обратить внимание на обратную сторону такого переживания. Одна из главных тем А. Шопенгауэра — тема смерти: «Едва ли даже люди стали бы философствовать, если бы не было смерти»¹⁷. Сама угроза не быть заставляет человека противостоять этому факту. Что может быть бо́льшим стимулом для жизни, чем полное осознание конечности собственной жизни? Здесь можно обратиться к трудам представителей трансперсональной психологии и танатологии. Околосмертное переживание является важнейшим событием в жизни человека¹⁸. Люди, пережившие клиническую смерть, полностью переосмысливают свою земную жизнь. Опыт прохождения терапии с использованием техники холотропного дыхания может иметь сходный эффект, когда клиент вновь проживает ужас смерти-рождения, происходит переоценка жизненных установок и ценностей, жизнь меняется. После прикосновения к неизвестному, происходит тот самый духовный скачок.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Шопенгауэр А. Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа (<http://www.lib.ru/FILOSOF/SHOPENGAUER/shopengl.txt>).

¹⁸ См.: Гроф С. За пределами мозга. М.: АСТ, 2005.

По утверждению П. Тиллиха, тревога стремится стать страхом, с чем мы не можем до конца согласиться, потому что такое утверждение выглядит как самоустранение тревоги. Здесь как будто-то бы тревога уходит, устраняется. Но устранить тревогу это как устранить ничто — невозможно. И как бытие раскрывается в своей полноте через попытку обозначения небытия, так и мужество быть имеет смысл и возможно лишь в неразрывной связи с экзистенциальным страхом быть. Именно здесь во всей силе проявляется возможность для человека испытать полной чашей страх быть. И это переживание возможно только тогда, когда мужество быть уже утвердило себя, но страх бытует с ещё большей силой.

Точнее было бы сказать, что человек стремится опредметить тревогу, потому что (на это далее и указывает автор) голую тревогу невозможно стерпеть более одного мгновения. И далее: «устранить основополагающую тревогу конечного бытия, вызванную угрозой небытия, невозможно». Скажем больше: по П. Тиллиху «мужество быть — это мужество утверждать свою собственную разумную природу вопреки всему случайному, что есть в нас»¹⁹, но осуществление этого мужества возможно только в том случае, когда возникает экзистенциальный страх перед этим случайным, когда вдруг происходит понимание того, что в человеке бушуют невероятные по силе импульсы, с которыми он не всегда в силах совладать, но именно мужество быть может принять на себя этот страх.

Рассматривая различные аспекты тревоги, автор выделяет три основных типа:

1. Тревога смерти.
2. Тревога отсутствия смысла.
3. Тревога осуждения.

Тревога смерти уже рассмотрена нами выше, но здесь к ней следует добавить ещё один аспект, это тревога перед судьбой, которая в предельном варианте и будет тревогой перед смертью. В тёмные времена истории человечества, люди находились в постоянном страхе перед неизвестностью, но не загробной жизни, а жизни земной. Времена сталинских репрессий являются тому прекрасной иллюстрацией. Огромное множество граждан нашей страны жили в постоянном состоянии страха, потому что никто не знал, придут за ним этим вечером или следующим. И при этом было неиз-

¹⁹ Тиллих П. Мужество быть / Пер. с англ. М.: МОДЕРН, 2011.

вестно: убьют на рассвете, отправят в ссылку или приговорят пожизненно находиться в 4 стенах тюрьмы. Неожиданность, непредсказуемость поворотов судьбы и тех случайностей, которые преподносятся каждому человеку, вызывают страх перед неизвестным.

Тревога смерти является тревогой перед смертью физической. Но наравне с ней возможна смерть духовная. Это и есть тревога пустоты или отсутствия смысла. Человек на протяжении жизни верит во что-то, стремится к идеалам, реализует себя, но происходит событие, которое переворачивает весь мир человека, и былой смысл утрачивается, исчезает в новых условиях, растворяется в бездне новых смыслов. Подчас в этом виновата культура, которая возвращает в людях стремления к тому, что, в сущности, является пустым. Страх потерять смысл, окунуться в чувство внутренней пустоты, также является страхом экзистенциальным. «Каждое утро я отрываю себя от кровати с невероятными усилиями. Меня не радует новый день. Я не хочу идти на работу, потому что я её не люблю. Муж ушёл от меня, дети не хотят со мной общаться. Моё существование не имеет ни малейшего смысла» — такое описание уже не в диковинку, утрата смысла жизни стала повсеместным явлением.

Обрести смысл и преодолеть внутреннюю пустоту возможно. Нужно осуществить шаг к духовности, который становится сознательным шагом к появлению страха перед возникшей свободой. И в этом случае нужно обладать тем самым мужеством, которое страх не отменит, но даст возможность жить в новой духовной реальности. Человек решается на обретение смысла, но при этом, как мы отмечали выше, здесь нет места счастью как блаженству. Становление себя в акте творчества или познания, подъём к новым духовным высотам наполняет человеческую жизнь смыслом.

Но «бытие человека — как онтическое, так и духовное — не просто дано ему, но предъявлено ему как требование»²⁰. Человек дан самому и себе для того, чтобы сделать из себя кого-то. И только он сам в ответе перед собой за то, кого он из себя представляет. Но при этом сотворение себя дано человеку не как возможность, а как непреложное требование, человеку нужно создать самого себя. Это порождает вначале тревогу вины, а далее, в предельном варианте, тревогу отвержения себя и осуждения. Такая тревога возникает опять же из-за свободы человека.

Каждый волен следовать собственному или общественному нравственному закону. Но точно также каждый имеет возможность отступить от принятых правил. Помимо этого нравственное самоутверждение человека содержит элемент относительности того или иного решения или действия. Как я могу знать, нравственен был мой поступок или нет? Любое деяние можно наполнить негативным смыслом. Осознание некоей двойственности наших деяний, постоянное соотнесение поступка с неким недостижимым (а зачастую и невидимым) идеалом рождает чувство вины.

Все вышеописанные типы тревоги в основе своей экзистенциальны, и сущностно присутствуют друг в друге. Тревога смерти возникает при утрате смысла. Сознательный уход из жизни может избавить от тревоги утраты смысла, но тревога самоосуждения за столь смелый поступок останется. Тонкие проявления тревоги перед чем-то разнообразны. К примеру, страх перед последовательно продуманной мыслью. Человек в один момент понимает, что если дальше продолжить раздумья в этом направлении, то можно додуматься до вещей крайне неприятных. Лучше остановить мысль. Последовательно продуманная мысль Сократа заключается в том, что философ, это не профессия, а служение. Не может быть разрыва между жизнью и философией. Судьи предлагают Сократу то, что он обозначил в философии, то, что он исповедовал, оставить в стороне, а теперь заняться конкретным поступком. Должен ли Сократ умереть, потому что судьи пугают его смертью, подводят всё под смертный приговор? Ведь логика его неуступчивых ответов ведёт к тому, что судьи не могут сказать: Сократ ничего не признал, следовательно, амнистия. Сократ останавливается перед мыслью: можно ли вообще разделить философское творчество и жизненный поступок, и заявляет, что если он отречётся от своих взглядов, это сделает его жизнь бессмысленной.

Последовательно продуманная мысль доводит его до того, что он должен принять смерть. Это и страшно, но он должен принять это с внутренним философским спокойствием и полным чувством свободы. Он уходит из жизни, понимая, что жил и жизнь его не была бессмысленной. А если он сейчас скажет: да, я говорил глупости, я от них отрекаюсь, то тогда он уйдёт из жизни обесщеченным, и вся его жизнь будет перечёркнута, что невозможно для философа, человека, которого можно назвать воспитателем душ.

²⁰ Там же.

Каждый аспект, или грань, экзистенциально-го чувства страха создаёт человека, возделывает его. Действительное переживание звенящей тишины небытия побуждает витальные силы человека, возникает желание противостояния этому ничто. Здесь требуется великое усилие, способность мужественно принять на себя тревоги и страхи, противостоять им. Чтобы использовать страх для своего собственного становления, нужно обладать мужеством испытать этот страх, пройти через глубинное эмоциональное очищение и перестройку собственной души. Посредством страха как ужаса или трепета человек раскрывает себя. Ужас быть существует вместе с мужеством принимать страх. Принимать свободу, осуществлять и реализовывать себя, принимать ответственность, продолжать жить тогда, когда, казалось бы, всё кончено и нет никакого смысла в

тянущихся однообразных серых буднях — всё это может вызвать равноправные экзистенциальные чувства, которые ещё раз утверждают, что они имеют онтологическую основу.

Проблема страха как ужаса или трепета, является одной из фундаментальных в философской антропологии, по причине невозможности исследования бытия и небытия человека без её рассмотрения. Ужас выступает здесь как приоткрывающее, обнажающее или отодвигающее бытие и вместе с тем небытие. Столь острые и глубокие переживания обнажают сущность человека, делают его интересным, наполняют жизнь смыслом, раскрывают сущность его бытия. Для становления человеческой личности возможность пережить ужас бытия есть высшая благодать. Но встретить такое переживание возможно только при помощи мужества.

Список литературы:

1. Баринов Д.Н. Тревога и страх: историко-философский очерк // NB: Психология и психотехника. 2013. № 3. С. 1–39. (http://www.e-notabene.ru/psp/article_553.html).
2. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990.
3. Гроф С. За пределами мозга. М.: АСТ, 2005.
4. Гуревич П.С. Философская антропология: учеб. пособие. 3-е изд., стер. М.: Омега-Л, 2012.
5. Камю А. Миф о Сизифе: сборник / пер. с фр. С. Великовского. М.: АСТ: Астрель, 2011.
6. Кирсанов А.Ю. Антропологические идеи Ролло Мэя // Психология и психотехника. 2011. № 12. С. 15–20.
7. Кляйн М. Зависть и благодарность (psynavigator.ru/files/books/klein_zavist_i_blagodarnost.pdf).
8. Кьеркегор С. Страх и трепет. 2-е изд. / Пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. М.: Академический Проект, 2014.
9. Мотрошилова Н.В. Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт: бытие-время-любовь. М.: Академический Проект; Гаудемаус, 2013.
10. Нароенко Н.И. Орнамент страха // Психология и психотехника. 2010. № 12. С. 99–106.
11. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр. В.И. Колядко. М.: АСТ: Астрель, 2012.
12. Тиллих П. Мужество быть / Пер. с англ. М.: МОДЕРН, 2011.
13. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Академический Проект, 2013.
14. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
15. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. 3-е изд. / Пер. с англ. А.М. Боковой. М.: Академический Проект, 2009.
16. Шопенгауэр А. Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа (<http://www.lib.ru/FILOSOF/SHOPENGAUER/shopeng1.txt>).

References (transliteration):

1. Barinov D.N. Trevoga i strakh: istoriko-filosofskii ocherk // NB: Psikhologiya i psikhotekhnika. 2013. № 3. S. 1–39. (http://www.e-notabene.ru/psp/article_553.html).
2. Berdyayev N.A. Smysl istorii. M.: Mysl', 1990.
3. Grof S. Za predelami mozga. M.: AST, 2005.

4. Gurevich P.S. Filosofskaya antropologiya: ucheb. posobie. 3-e izd., ster. M.: Omega-L, 2012.
5. Kamyu A. Mif o Sizife: sbornik / per. s fr. S. Velikovskogo. M.: AST: Astrel', 2011.
6. Kirsanov A.Yu. Antropologicheskie idei Rollo Meya // Psikhologiya i psikhotehnika. 2011. № 12. S. 15–20.
7. Klyain M. Zavist' i blagodarnost' (psynavigator.ru/files/books/klein_zavist_i_blagodarnost.pdf).
8. K'erkegor S. Strakh i trepet. 2-e izd. / Per. s dat. N.V. Isaevoi, S.A. Isaeva. M.: Akademicheskii Proekt, 2014.
9. Motroshilova N.V. Martin Khaidegger i Khanna Arendt: bytie-vremya-lyubov'. M.: Akademicheskii Proekt; Gaudemaus, 2013.
10. Naroenko N.I. Ornament strakha // Psikhologiya i psikhotehnika. 2010. № 12. S. 99–106.
11. Sartr Zh-P. Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoi ontologii / Per. s fr. V.I. Kolyadko. M.: AST: Astrel', 2012.
12. Tillikh P. Muzhestvo byt' / Per. s angl. M.: MODERN, 2011.
13. Khaidegger M. Bytie i vremya / Per. s nem. V.V. Bibikhina. M.: Akademicheskii Proekt, 2013.
14. Khaidegger M. Chto takoe metafizika? // Khaidegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya. M., 1993.
15. Khorni K. Nevroticheskaya lichnost' nashego vremeni. 3-e izd. / Per. s angl. A.M. Bokovikova. M.: Akademicheskii Proekt, 2009.
16. Shopengauer A. Smert' i ee otnoshenie k nerazrushimosti nashego sushchestva (<http://www.lib.ru/FILOSOF/SHOPENGAUER/shopeng1.txt>).